

Соломона и др. Так же и еще более вредно влияние газет Миллюкова — Керенского — Гессена на русскую молодежь, студенческую и рабочую, которой немало и из среды которой рекрутируются парни, активно выступающие перед рабочими французами на заводах. Далее — бывшие евразийцы могли бы в известной степени влиять и на французских журналистов, разоблачая ложь и клевету эмигрантов. Может быть, Вы найдете нужным поручить т. Довгалеvскому вступить в сношения с Сувчинским и дать Вам отчет о его, Довгалеvского, впечатлении?

Ко всему сказанному могу с полной уверенностью добавить, что эти «евразийцы» — люди несравнимо более крупного калибра, чем Дюшен, Кирдецов и другие, безуспешно пытавшиеся поставить за рубежом советский журнал.

Отвечая Сувчинскому, я не сообщу, что его письмо отправлено мною в Москву, но спрошу его, на какую сумму он рассчитывает поставить журнал.

Книгу о В. И. пишет по-английски. В «Британской энциклопедии» помещена его статья о В. И., в ней он называет В. И. «гением». За это и потерпел от эмигрантов.

Привет!

А. ПЕШКОВ

И. В. СТАЛИН — М. ГОРЬКОМУ

<24 октября 1930 года. Москва>

Уважаемый Алексей Максимович!

Приехал из отпуска недавно. Раньше, во время съезда, ввиду горячки в работе, не писал Вам. Это, конечно, не хорошо. Но Вы должны меня извинить. Теперь другое дело, — теперь могу писать. Стало быть, есть возможность загладить грех. Впрочем: «не согрешив, — не расскаешься, не раскаявшись, — не спасешься»...

Дела у нас идут неплохо. Телегу двигаем; конечно, со скрипом, но двигаем вперед. В этом все дело.

Говорят, что пишете пьесу о вредителях, и Вы не прочь были бы получить материал соответствующий. Я собрал новый материал о вредителях и посылаю вам на днях. Скоро получите.

Как здоровье?
Когда думаете приехать в СССР?
Я здоров.
Крепко жму руку.

И. СТАЛИН

А. И. БЕЗЫМЕНСКИЙ — И. В. СТАЛИНУ

<Март 1930 г.>

Дорогой товарищ Сталин!

Если бы вопрос шел о простой травле, я бы к Вам не обратился. Правда, довольно странно и больно оказаться человеком, обнаружившим «объективно» философскую концепцию контрреволюционера. Однако можно это признать логическим завершением четырехлетней внутриорганизационной травли и творческой дискредитации со стороны товарищей «налитпостовцев». Мне нисколько не удивителен тот факт, что они, встретив восторженными кликами пьесу «Выстрел», умудрились в течение десяти месяцев ни слова о ней не написать, а ныне обрушивают против нее громовые статьи, крича о мелкобуржуазной «левизне». Очевидно, присвоение мне философской концепции контрреволюционера должно увенчать здание моего отхода от пролетариата.

Но мне кажется, что все это имеет высокопринципиальное значение. Если проследить за теоретическими корнями пропаганды творческого метода психологического реализма, предписывающего отпращиваться от отображения индивидуальной психологии; если припомнить, что эта пропаганда сопровождалась замалчиванием или прямой травлей всякого проявления политического жанра в литературе, то немудрено понять заботу тов. Сутырина о воспевании человеческой личности в противовес воспеванию коллектива. Простите меня, но, при всей моей скромности, я осмеливаюсь утверждать, что если по отношению к моей поэме «День нашей жизни» можно ставить вопрос о моем стремлении «уничтожить личность» и моем представлении о социализме как о «социализме середняков», то это обнаруживает чью-то болезнь: или мою, или тов. Сутырина.